

Территория Творчества
независимых авторов

Луч Светы

Журнал. Выпуск 4

Иван Храмовник
в новой рубрике
"В лучах Светы"

Светлана Королева

Луч Светы. Журнал. Выпуск 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39144370

ISBN 9785449366214

Аннотация

Журнал «Луч Светы» – это многоцветок, выбившийся на литературном, кипящем поле. Это новый формат объединения разнокалиберного творчества. Здесь есть то, за что обязательно зацепится ваша по-хорошему капризная и пытливая душа! Наслаждайтесь и с нетерпением ждите новых номеров! Искренне ваши, души независимых авторов-журналистов.

Содержание

Предисловие от главреда	6
Вытворчество от главреда	8
Рубрика «В лучах Светы»	9
Иван Храмовник	11
«о чем стихи? какой смешной вопрос...»	12
«от полутьмы до полусвета...»	14
«и ждал цунами обреченный берег...»	15
«Умереть на Васильевском? Право, какая безделица!...»	17
«ты словно опоздал на поезд...»	18
«если при чтении длинных чужих историй...»	19
«что ты видишь, когда закрываешь глаза рукой?...»	20
«и ломтик неба из окна...»	22
Рубрика «Раскрытие таланта»	24
Дар первый – Валентина Иванова	27
«Целый мир... Для меня это слишком сложно и много...»	33
«Верую – шепчет мать в ночи, стоя у икон, за детей своих, на коленях, молясь об их здравии...»	35
Осенняя весна	37
Дар второй – Вера Деткова	39

«Это что-то сверх известного понятия...»	45
«О, да! Я ничего...»	47
«Нас убивает тишина...»	49
Дар третий – Mary El-Hadjj	51
«Пой, душа моя рваная...»	53
«Я-не поэт... я-пилигрим...»	54
«Твоей Алисе грустно в Зазеркалье...»	56
Рубрика «Графский особняк»	59
На тонущей подводной лодке	61
Квась капусту вместе с женой	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Луч Светы

Журнал. Выпуск 4

Главный редактор Светлана Королева

Дизайнер обложки Валентина Спирина

Корректор Валентина Спирина

© Валентина Спирина, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-6621-4 (т. 4)

ISBN 978-5-4493-3834-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие от главреда

Всем весны в сердце осени! Привет! И это четвёртый номер нашего родного, тёплого, по-октябрьски золотого журнала. С вами – я – Светлана Королева – главред электронного детища «Луч Светы». И мы, вместе с командой независимых авторов-журналистов, направляем свои лучи в ваши

вдохновенные души!

На этот раз номер вышел домашним, свои в кругу своих же. А почему бы и нет? Наши трудолюбивые творцы-ведущие рубрик талантливы, пишут в индивидуальном стиле, ярко-броско, отличительно. Конечно, личное океанское творчество мы разбавили заливами «иностранного» происхождения. И поэтому номер журнала стал еще более насыщенным, интересно-цепляющим и вкусным! Приятного аппетита-чения!

И ловите творческий подарочек от меня!

Вытворчество от главреда

Мы забываем, что все мы внутри – дети.
Делаем умные лица, ввязываемся во что-то серьёзное,
Сами себя заваливаем угрозами,
Не ощущая, как раньше, в волосах шёпот-ветер.

Мы забываем про истинные простые радости:
Беспричинный смех – вовсе не дураков черта,
И не в лицах-облаченных-красками красота,
А во всем. Без характеристик-надобности.

Мы забываем, что силы у нас – на один день,
Жадно хватаем воздух вперёд на долгие годы,
Каждое утро клянём почему зря погоду,
Не выходя за пределы собственной тени.

Мы забываем. Спим. И не просыпаемся!
Хватит! Ну же!
Вспомните самое тёплое – в шаге от вас,
В маленькой детской ладошке уместится смысл-сейчас,
Здесь. В этом празднике – мире раскройте свои души!

Вспомните всё-же, что все мы в душе – дети!

Рубрика «В лучах Светы»

Поэт, сценарист, дизайнер, музыкальный критик... Чело-

век, чьи стихи зацепили меня с первой строчки. «О чём стихи?» – пишет в одном своём произведении Иван Храмовник. Действительно. А стихи о состояниях: пережитых, почувствованных. А стихи о близком, о ранящем, о молниеносно-впивающемся. А стихи о старом, но в современности. «Всего пол жизни до весны, а там и лето» – фраза-хлыст и фраза-философский вызов.

В толпе одиночества.

А теперь, пожалуй, приоткроем занавес и направим свет софитов на удивительно-талантливую поэтессу современности...

Иван Храмовник

Иван Храмовник По паспорту Игорь Кириллов. Родился в Ленинграде, живу в Санкт-Петербурге. Участник Лито «Пиитер». Стихи, видимо, писал всегда. Свой стиль на данный момент определил бы как «пост-символизм». Библиография: «Кириллица» (2004, СПб, Геликон Плюс), «Закрась все это черным» (2012, СПб, Любавич), «Коварство и кавай» (СПб, Свое Издательство, 2016).

«о чем стихи? какой смешной вопрос...»

о чем стихи? какой смешной вопрос
о чем река, несущая к заливу
прозрачных акварелей переливы
наискосок по линиям метро?

о чем луна? ты скажешь – о любви
а я скажу – скорее о приливах
всех жидкостей по правилам игривым
и разности невинных половин

о чем поет отчаянный норд-ост?
не о зиме и не о капитанах
давно известных или безымянных
не доказавших миру ничего

о чем соната с номером один
без имени, без текста, без вокала?
мелодия мелькнула и пропала
не жди причин и следствий не веда

все об одном, точнее, об одной
случайной, незабытой, непростенной
чье имя скрыла неопределенность

о вечности, умноженной на ноль

«ОТ ПОЛУТЬМЫ ДО ПОЛУСВЕТА...»

от полутьмы до полусвета
всего лишь пара теплых слов
и тени вновь полураздеты
в театре сумрачных углов

но где-то там, в суфлерской будке
хранитель текста вдруг затих
он наблюдает, и как будто
не одобряет нас двоих

а в ложах окон и балконов
мелькают отблески небес
давай забудем о поклонах
пусть мир – театр, но не весь

пойдем куда-нибудь на волю
чтоб ветер видеть впереди
дышать опавшею листвою
и серость неба беречь

«и ждал цунами обреченный берег...»

и ждал цунами обреченный берег
и в воздухе накапливалась соль
и птицы замолкали, словно веря
в недостижимость солнечных высот
цвела печаль, но гейши не молчали
лепили хокку из чего пришлось
из северного ветра над причалом
из сакуры, цветущей на авось

и дальний гул, невесел и неистов
перебивал молитвы древних скал
лишь фаталисты и филателисты
клялись, не покладая языка
переписать сценарий, что заказан
компанией земных координат
но в фильме о полете камикадзе
и серий будет максимум одна

«Умереть на Васильевском? Право, какая безделица!..»

Умереть на Васильевском? Право, какая безделица!
Я и сам умираю здесь раз по пятнадцать на дню.
Но когда-нибудь, верю я, все для меня переменится,
Я, исчезнув, слегка этим здешний пейзаж изменю.
И в каких-то других, запредельных райончиках
маленьких,
Забывая «дворы, как колодцы» и крылья мостов,
Буду жить среди вас, о счастливые жители спальников.
Но, в балтийском ветру растворяясь на веки веков,
Я сюда не вернусь. И как Бродский, Венецию выбравший
Настоящую, с вечною гнилью и новым кино,
Я исчезну, уйду незаметно, беспamięтно выбывший.
А обратно – зачем? Здесь таких не хоронят давно.

«ТЫ СЛОВНО ОПОЗДАЛ НА ПОЕЗД...»

ты словно опоздал на поезд
куда-то в лучшие года
и на вокзале с перепоя
нелепо бродишь, смотришь вдаль
а там, в вагоне, что несется
вперед со скоростью мечты
осталась та, чью помнишь поступь
но рядом с ней теперь не ты

очнешься, а вокруг пустыня
похожая на чей-то дом
где стены в паузе застыли
а в выход верится с трудом
и город дрогнет и зависнет
на кадрах с ноющим дождем
пусть ночь составит черный список
ты и туда не попадешь

«если при чтении длинных чужих историй...»

если при чтении длинных чужих историй
с метками междометий, что портят кровь
ты просто смотришь на текст и не видишь моря
только слова, все раздельно, попарно врозь

значит, пора перестать наблюдать без звука
местные шоу под током простых систем
падать в провалы эфирных помех и глюков
и на экранах выискивать пеленги новых тем

лучше с нажатием кнопочного затвора
сразу нырнуть в распростертую тишину
выйти во двор или дальше, куда-то в город
в мертвую ночь, в набегающую волну

«ЧТО ТЫ ВИДИШЬ, КОГДА ЗАКРЫВАЕШЬ ГЛАЗА РУКОЙ?..»

что ты видишь, когда закрываешь глаза рукой?
может, зелень поляны, запекшийся жаркий свет
и зудящих кузнечиков, прячущихся в траве
их так просто найти, пара пазов вперед-назад
и ладонь по нагретым буграм осторожно вскользь
только в точке касания вечность меняет знак
правда или желание – выбери что-нибудь

что ты видишь, когда закрываешь глаза рукой?
может снег, что в овраге навален со всех сторон
так, что ты, провалившись по пояс, кричишь друзьям
только дайте мне точку опоры, и вам хана
а потом на санях деревянных летишь с горы
и ломаешь их с треском, ну ладно, хоть сам живой
почему так ругают родители за полет?

это можно увидеть отныне лишь только так
никаких фотографий – где был тогда твой айфон?
и прогулки вдоль берега в поисках родников
где вода так чиста, словно слово из детских книг
где цвело волшебство на картинках, что не стереть
но теперь, когда вечность просеяла севером твой песок
что ты видишь, когда закрываешь глаза рукой?

«И ломтик неба из окна...»

и ломтик неба из окна
привычно горек
туман закатывает нас
в свой серый войлок

ведь осень здесь от слова «всё»
готовь телегу
пока багрянец не отцвел
под первым снегом

и мизером зимы пустой
не откупиться
и карты падают под стол
и лица, лица

по кругу или по кругам
в нестройном вальсе
белеет дальняя пурга
но не сдавайся

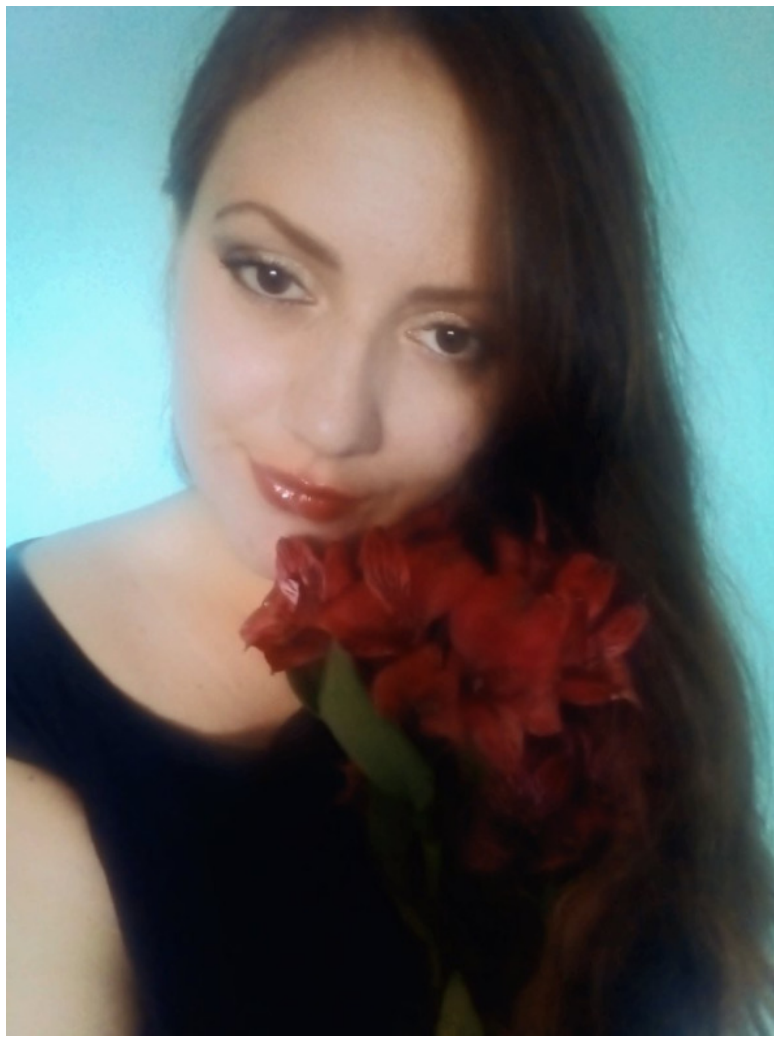
пусть дни бездонно холодны
и ночь бесцветна
всего полжизни до весны
а там и лето

***все произведения напечатаны в авторской редакции**

Рубрика «Раскрытие таланта»

Ведущая: Светлана

Королева, г. Брянск

Моя рубрика! Моя бесценная, святая территория, в которую я пускаю только избранных – приглянувшихся творческой Душе, капризной яркотворящей Музе. В сегодняшнем меню: одни восхитительные десерты. Три девочки, три девушки, три прекрасные женщины. Три глубокие мысли, мудрости, таланта.

Итак, начнём...

Дар первый – Валентина Иванова

Дадим же ей слово.

Я пишу... Лучшим ответом были бы слова Портоса из «Трех мушкетеров»

– Я дерусь, просто потому что дерусь!

Вот и я пишу, просто потому, что не могу не писать. Это правда. Сама про себя я часто говорю – «гениальный графоман». И это тоже, отчасти, правда. Ибо, как еще можно сказать про человека, для которого легче и проще что-то сказать, рассказать, именно в стихах...

*Я говорила сотню тысяч раз —
Мне чувства проще выразить стихами,
Чем объяснять простые истины словами,
Я не умею отвечать лишь парой фраз.*

*Я не могу придумывать эмоции,
Я напишу, скажу, всё то, что есть внутри,
Ведь всё, что нравится, во мне огнём горит,
Я не раскладываю всю себя на опции.*

*И если не понравится – скажу,
Молчать не буду. Притворяться тоже.
Я чувствую душою, сердцем, кожей.
Через стихи я воздухом дышу.*

В своих произведениях я хочу... Что я хочу? Не знаю. Это просто мысли в рифму. Вот так я разговариваю с вами, дорогие читатели. Рассказываю о себе, о том, что болит, что радует. Иногда я смеюсь и говорю – «Я, как тот акын – что вижу, то и пишу».

Чтобы изменить сегодня, нужно... Нужно встать не так, как обычно. То есть, если ты просыпаясь, встаешь сразу, да на обе ноги, то сегодня полежи, потянись и встань на одну ногу...

*Я в понедельник встала с Той ноги,
С той самой, что с двумя кривыми пальцами.
Она терпеть не может каблучки,
И первая встает с постели в пятницу.*

*Другая, та, которая не Та,
Встает во вторник, среду осторожно,
Быстрее, легче, но по четвергам.
А в пятницу на Ту, другую можно.*

*Так и идёт – до пятницы дожить,
Мечтают ноги, только врозь мечтают.
И обе ненавидят каблучки,
Но всю неделю шпильки обувают.*

Творчество для меня – это... Моё личное пространство. Мой личный мир. Собственный сорт вина. Любимое блюдо. Будете смеяться, но порой, написав какой-нибудь стих, понимаешь, что пульс у тебя такой, словно мебель двигала или сто метров с препятствиями пробежала. Иногда читаешь чье-нибудь произведение и вдруг осознаешь, что всё это время не дышала и начинаешь, как рыба, хватать воздух.

Моя жизнь – это... Ох... Если по-простому, то моя жизнь это – мои дети, моя работа и, конечно, мои стихи. Если чуть больше, то...

*Случаются неважные победы.
Случается, победы не важны.
Девчонка в платье розовом и в кедах,
Всегда мечтала поэтессой быть.*

*Задорные веснушки и косички,
Веселый смех, росла среди пацанов.
Она имела странную привычку,
Плести цепочки из различных слов.*

*А первый стих пришел к ней лет в пятнадцать,
Второй – на восемнадцатом году.
Потом, уж было далеко за двадцать,
Родился новый стих в горячем бреду.*

*Потом стихи на время отступили.
И интерес к стихам, казалось бы, пропал.
Но года два назад её накрыло.
Свершилось. Звёздный час её настал.*

*С тех пор она везде искала рифму,
И мысли, как отдельные стихи.
Легенды, сказки, варварские мифы.
Всё рифмовалось воле вопреки.*

*И пусть она не стала поэтессой.
И пусть, что неизвестна до сих пор.
Но каждый стих своё находит место.
Её душа находит в них простор.*

*Случаются неважные победы.
Случается, победы неважны.
Уже не девочка, а женщина, сквозь беды,
Свою победу забрала у тьмы.*

*Не умер в женщине девчонки звонкий смех,
Однажды жизнь свою начав сначала.
И этот стих сейчас для вас, для всех.
Она свою Победу одержала.*

Пожелания всем пишущим-творящим...

*Что пожелать тебе, человек пишущий?
Вдохновения, хочешь? Тогда желаю.
Пусть это будет волна тёплая и живая,
Или шторм, нестандартный, огнедышащий.*

*Хочешь славу всемирноизвестную?
Желаю славу, только помни, пожалуйста,
Слава – бремя тяжелое, так что не жалуйся.
А вершина славы – место ограничено-тесное.*

*Хочешь, пожелаю тебе крутое издательство?
Желаю же. И пусть тебя там напечатают.*

*Красивое оформление и обязательно – фотографию.
Но только, чтобы бесплатно, без вымогательства.*

*Каждому поэту – музу, поэтессе – муза.
Таких, чтобы дух, до слёз, захватывало.
Чтобы строчки глянцевого, а стихи – матовые.
Чтобы писательство счастьем было, а не обузой.*

*А главное – на пути к собственному Олимпу,
Оставаться человеком, без чужих голов под ногами.
Без слез тех, кто шел за вами, вместе с вами.
Чтобы успех не превратился в Рубикон-липу.*

И, хотелось бы, опубликовать в этой рубрике те стихотворения Валентины, после которых у меня до сих пор вдохновенное послевкусие, дрожь-мурашками и восхищение.

«Целый мир... Для меня это слишком сложно и много...»

Целый мир... Для меня это слишком сложно и много,
Мне бы единственную улицу, где однажды тебя я встречу.
Пусть там будет всего одна, узкая, но одна дорога,
Я обниму тебя и это будет моя, короткая вечность.

Целый мир... Это слишком абстрактно и непонятно.
Хватит одной скамейки, чтобы быть счастливыми,
Целый мир хорош, когда ты хочешь играть в прятки.
А я хочу видеть тебя, чувствовать руки твои сильные.

Целый мир... Он безразличен к нашим проблемам.
Ему до лампочки наши мечты, да и желания тоже.
А я хочу, чтобы переплелись наши дорожки-вены,
И чувствовать как руки дрожат, прикасаясь к коже.

Целый мир... Да к черту целый мир. Мне он не нужен.
Мир, где нет тебя рядом, не мир, а степь мёртвохолодная.
Мир без тебя – моего – огромная ледяная лужа.
Где тонет душа моя, если тебе она стала негодная.

Целого мира нет! Есть временная субстанция.
С коридорами времени, с закоулками-воспоминаниями.
Сегодня ты – Д'Артаньян, а я буду твоей Констанцией.

А мир.. Пусть подождет или гори оно всё синим
пламенем.

«Верую – шепчет мать в ночи, стоя у икон, за детей своих, на коленях, молясь об их здравии...»

Верую – шепчет мать в ночи, стоя у икон, за детей своих, на коленях, молясь об их здравии.

Даже если отвернулись врачи, а на соседней койке кто-то кричит «Тебя же здесь умирать оставили!»

Верую – даже если жизнь прожив, лба не перекрестив, но в момент, когда, кажется, неоткуда ждать подмогу, Из потаённого уголка души, где до поры, до времени лежит, Вера восстает и летят слова молитвы Богу.

Верую – шепчет солдат, крест нательный в кулаке зажав, вместе с последней гранатой, выдернув чеку.

Рядом лежит уже пустой автомат, и мертвые глаза друзей в небо глядят, и враги радостно крича, к нему бегут.

Верую – шепчет врач, скальпелем делая первый разрез, но заранее зная – операция уже не поможет.

И в этот момент он и надежды свет и палач, но клятву давал и отказаться уже просто так не может.

Верую – шепчет спасатель, глядя на горящий дом – в окне

бьется мать, а дети уже не кричат. Молчат. Живы ли?
Крест поцеловав, делает первый, возможно,
в бессмертие – шаг и голос Бога звучит в ушах: «Живы.
Ещё живы»

Верую – кричала девочка на Сямозере, из воды ледяной
мёртвых друзей, по одному, вытаскивая.
Волны злые детей на скалы бросили, разбили,
заморозили, а она верила – такая маленькая и отважная.

Даже когда остался совсем один, когда небо черное
молча на тебя сверху глядит, прошепчи, скажи, закричи –
Верую!
Господь для всех един, и за каждым из нас следит,
и поможет всегда, если жить с чистой душой и в сердце –
с Верою.

Осенняя весна

Отключи в голове своей календарь, часы убери подальше,
просто расслабься.

У нас с тобой сейчас будет весна, настоящая, с цветущим
садом и бабочками.

Между деревьев будем скользить – музыку выбери сам –
в нежном вальсе.

Босиком, по траве, ноги омочит роса, а мир вокруг такой
нежный, сказочный.

Отключи телефон, никто не должен звонить, мир нас
с тобой подождет.

Наша весна с золотыми оттенками осени? Ну и что. Так
было нами задумано.

Завтра день будет новый, а сегодня наш весенний
танцевальный ночной полет,

И вокруг не опавшие листья, а лепестки цветов
подхватили нас и несут над городом шумным.

Вихрь цветов белоснежных, под ногами пушистые облака
и вместо одежды – тонкие шелковые простыни.

Смешно? Ну и пусть. Снизу не видно, а сверху за нами
не смотрят. Другими делами заняты.

На пояснице моей твоя рука, мы смеемся от счастья
и смех летит вниз звездной россыпью.

И лишь тихим аккордом – грусть... Каждое наше

движение стенографирует в книгу. Особую. Памятную.

Ох...Гениальный, но не графоман... Гениальный человек в этой прекрасной, чувственной, талантливой, неординарной женщине – восхитительной поэтессе, чьи слова-мысли льются и льются рифмами-чудесами. Действительно, после прочтения таких произведений начинаешь понимать – вот только что, именно в этот момент, ты начал дышать... Спасибо, Валюша!

Дар второй – Вера Деткова

Я пишу...

То, о чём говорит сердце.

В данную вечную секунду, в это самое мимолётное мгновение.

Оно умеет говорить.

Удивительно, сердце знает и тоску неизбывную, и любовь словами неопишуемую.

Хорошо помню первые строки, мною написанные.

Они – саму удивили; испытала шок, когда ночью проснулась, взяла тетрадь, и писала, писала, писала...

Записывала всё, что слышала, всё, что лилось рекой.

Ту тетрадь и озаглавила: не моё!

Далее частицу «не» зачеркнула, добавила: моё ль?

Помню, как чуть позже добавила: моё.

Строки удивительно – вопросительно – просительные :

«Проятся, не проятся, но впускаю в мир...

Будто заколосятся мысли, но мои ль?»

«Лирика печальная, веселы названия.

Жизнь моя хрустальная, от того ль страдания?»

«Птицы певчие, травы алые.

Ты меня за плечи, жизнь, обняла бы!»

И таких первых строк было написано очень много, очень;

целая первая тетрадь. Далее была жизнь. Она продолжалась. Стихи писались сами собой: разные, коротенькие, грустные, длинные, веселые, озорные и философские.

Пишу уже который год, постоянно; лет двадцать – не менее. Не могу не писать. Быть может, когда-то и замолкну, не знаю.

Год целый как озвучиваю собственные стихи. Нравится это делать; так и есть; ничего поделать с этим не хочу, не могу; и не желаю менять этого. На всё есть своё провидение. Верю, ибо физик – мистик по профессии, по натуре.

Слушая, слышу, и записываю всё то, о чём шепчет молодая и тысячелетняя моя душа; кричит молча что, много испытывавшее и пережившее сердце.

В своих произведениях я хочу... рассказать об эмоциях; о безграничных, не затихающих чувствах; вылить на бумагу всё, чем переполнена. Рассказать о главном в этой жизни; о том как важно быть искренним, настоящим в любой ситуации, в любое время; в общении с любым существом в этом мире. Не фальшивить, когда тебе плохо или хорошо. Писать не по чьему-то заказу. А по велению внутреннему.

Сама никогда не знаю, что же в итоге проявится на белом экране чистом, когда начинаю смотреть в свою душу и слушать её.

Записывать – как шёпот, еле слышимый; либо крик, не приглушаемый, громкий.

Сердце разрывалось порой от избытка переживаемого; и просились наружу слова – не слова; и мотивы разные, в интонациях разных. Слышны были и мелодии странные, напеваемые в стихах.

Хочу очень, чтобы люди ничего не боялись. Не боялись быть самими собою. Не страшились быть: и девочкой ранимой, и сосредоточенным взрослым человеком. Мудрым преподавателем, любящим детей; и рыдающей долго безудержно, над умершим волнистым попугайчиком, проживающим на кухне – членом семьи... целых тринадцать лет.

Чтобы изменить сегодня, нужно... всего-то и быть настоящим, добрым и ласковым, трепетно нежным, заботливым; отважным и мужественным; справедливым и неугасимым оптимистом, бегущим по классам – по клеточкам, рисованным на асфальте в игре; в жизни великолепной – сидя, не в клетках; проживая миг каждый – честно и достойно; не вздумать и помыслить, слышите – не помышляя, об обиде кого-то другого, никого – специально; не нарушив чести и достоинства личности – и не важно сколько лет этой личности: год или тридцать, пять или вечность.

Творчество для меня – это... каждый вечер, плавно перетекающий в тихую ночь позднюю, медленно иль быстро переходящую в каждодневное ранее утро.

День каждый, минута каждая.

Наполняюсь как сосуд жизнью; впитываю как губка общение с людьми, с книгами; для того чтобы излиться; вечером и ночью – стихами разродиться.

Честно признаюсь: на пьедестале – незыблемых авторитетов в этом мире для меня нет.

Никого!

Есть любимые и очень любимые люди, есть обожаемые и самые – самые. Есть очень родные и уважаемые. И не столь важно: рядом они иль не рядом, живы они, иль не живы. Они есть в моей жизни; и это главное.

Моя жизнь – это... череда подъёмов головокружительных и в выражах – стремительных спусков; полёты во сне и наяву; много – много книг прочитанных; много – много мыслей, теорий разных, выдвигаемых и проверяемых в экспериментах лично.

Помню, как пыталась не дышать, поверя, что наш мир – матрица; и дышать здесь вовсе не обязательно.

Смешно теперь и не смешно.

Моя жизнь – это любовь безудержная со страстями жгучими; нежность и трепет душевный; лепет детский и слёзы; причитания и пламя неугасимое в сердце. Разлуки и встречи, разочарования и страх потерь; предательство близких и преданность, будто собачья – далёких незнакомых, вначале, людей.

Мир проявленный и не проявленный; великолепный уди-

вительный мир – в каждой встреченной душе – человеческой и человеческой.

Пожелания всем пишущим – творящим...

Буду предельно кратка: не бойтесь ничего; ничего старого, ничего нового; не страшитесь делать первые шаги, учась ходить; верьте в себя и любите то, чем занимаетесь.

Не бойтесь критики. Творите для себя. Искренне и вдохновенно. Услышьте шелест утренних звёзд. Услышьте себя истинного, сердце своё и душу – необыкновенно про всё знающую и чувствующую; услышьте всю гамму всего вами, именно вами, а не кем-то переживаемого; ибо всё изначально в вас – всё, что присутствует во всех веках; известно что всеми существами, во всех галактиках и во всех вселенных.

Именно так. Вы и есть эта галактика. Вы и есть этот удивительный мир.

Познавайте его в наслаждении поиска, отдайтесь целиком и полностью.

А теперь предлагаю ощутить силу творчества Веры...

«Это что-то сверх известного понятия...»

Это что-то сверх известного понятия.
Время – нереальная штукавина.
Его и растянуть пружиной можно;
свернуть в окружность осторожно,
и смаковать, как сладкую конфетную,
в том шарике – обложку.
До доньшка не допивая, не вылизывая,
миг каждый проживать – неподражаемо;
сжимать в руке, не отдавая никому;
и не делясь ни с кем.
Только с Тобой, с родным.
Есть время совершенно новое,
волшебное: таинственно – любимое.
И это каждый миг,
мгновение неповторимое.

Чем больше человек,
тем больше в человеке.
Чем дольше Ты, тем я нежней.
Не оторваться от Тебя, любимый.
Согреть в благоговении,
и уважать божественный покой.

Есть смысл неведомо знакомый;
он между строчек, между слов.
В молчании звенящем – не пустота.
Лишь время выдоха и вдоха.
Есть ощущение Вселенского Тебя,
в миг каждый – нового и нового.

Мой главный тренер сборной.
Мой самый честный индикатор.
Мой тест любимый.
Мелодия душевная,
в звучании хрустальном.
Везде, везде – всегда с Тобой.

Мне время рассказало суть свою.
Я знаю тайну.
И расскажу Тебе, хороший мой.

С Тем остаюсь,
в веках не расставаясь,
кого на Свете Белом :
Том и Этом – всецело уважаю,
всей душой и сердцем я люблю;
боготворю кого,
ни капельки...
ни капельки
при том
не унижаясь.

«О, да! Я ничего...»

О, да! Я ничего
с собой поделать не могу.
На расстоянии люблю
Тебя – мне, посланного Богом.
Как просто же, любить Тебя – боготворю.
Как сложно мне любить Тебя —
такого родненького, посланного Богом.

И обнимаю – расстоянием, что между.
И глажу волосы, целуя их так нежно.
Какие же слова произнести,
какие подобрать мне?
Могу, любимый, молча обнимать —
не отпустив :
и ни на шаг, и ни на день,
и ни на ночь, и ни на йоту —
Тебя, мне посланного Богом.
Сомнения все – к чёрту!

Интонации услышь
в словах произнесённых.
Они – родной, нектаром пролились;
не в забегаловке – фастфудом,
быстро прожевав который,
орудие убийственное нации,

чтобы снарядом голод утолить.

Раскрасил жизнь мою;
Ты появился, мир проявился красочный.
Как просто же, любить; и ощущать,
и чувствовать, и понимать.
Я прекратила воевать,
доказывать в себе – себя.
Исчез тот мир, что грустно – чёрный.
Благодарю Тебя.

Какая разница, что дальше будет?
Благодарю и Бога, что послал Тебя.
Он обнимает нас сейчас, детей своих.
И мысленно в сей миг, я чувствую —
меня Ты обнимаешь
крепко – крепко – крепко,
посланную Богом.

«Нас убивает тишина...»

Нас убивает тишина
отчаянная, в сердце.
Озябшей, вяжущей на вкус, и горькой —
становится любая «мелочь»,
которая не в кошельке гремит;
когда и где подмечена – не важно,
произнесённая: ни кем – то,
ни кем – нибудь, бездумно;
слетела с уст в порыве гнева;
которая «случайная»,
летящая – само собой.

Нас убивает каждое мгновение,
когда безрадостные будни тяготят;
когда в шеренгу выстроились —
к диктатору любимому добровольно мы.
«Пусть говорят» – ах, если б говорили.
Спина прострелена словами,
брошенными метко.
Нас убивают, когда играют в нас,
в игрушки кожаные – плюшевые.
Наши же любимые нас убивают —
не на войне, стреляя в спину,
попадая в сердце – прямо в душу.
Играются забавы и от скуки ради,

единственные и родные.

Как же так?

Нас убивает тишина отчаяния.

И остаётся, да – любимые,

тоскливая отметина прощальная,

печатью горькой едкой

в сердце, на устах.

Физик-мистик, мудрая, фантастическая женщина, поэтесса. Ее стихи – нестандартные пули времени, которое она то растягивает, давая возможность ощутить каждую каплю на губах-жизни, то сворачивает в рулон —на потом, на память, на вечность...

Дар третий – Mary El-Hadji

Я пишу... с 10 лет, но поэтом себя не считаю. Строки, со-

зданные мной, лишь рифмованное отражение моих мыслей.

В своих произведениях... я хочу просто поделиться наблюдениями, рассуждениями, чувствами. И побудить читателя задуматься над простыми истинами, которые мы так часто не замечаем в суете будней.

Чтобы изменить сегодня, нужно... просто быть чуточку внимательнее к миру, себе и другим. Ответы на самые сложные вопросы всегда просты.

Творчество для меня – это... образ жизни. Я не могу не писать. Для меня жизнь без поэзии просто теряет краски и становится черно-белой.

Моя жизнь – это прежде всего умение оставаться собой в любой ситуации. И, конечно же, это моя семья и друзья.

Пожелания всем пишущим-творящим... всегда сохраняйте свое мнение, не пытайтесь подражать и подстраиваться под систему. Гуманизм – это то, чем настоящая поэзия всегда отличалась от графоманства. Идеи, которые вы вкладываете в свои произведения должны нести правду с привкусом любви к миру. Творите, совершенствуйтесь и не бойтесь критики.

Прикоснемся к волшебной Вселенной поэтессы...

«Пой, душа моя рваная...»

Пой, душа моя рваная,
Под насмешек мотив, громче пой...
Полети пересудами рьяными
Ранью, тишью в лучах, золотой...

Пой, душа, если слёзами топишься,
Если молишься пламени свеч,
Если кажется, что не отмоешься
Ты от грязи «дружеских» встреч...

Свою песнь с верой в жизнь первозданную
До последнего хрипа пропой...
Если мыслью и телом устану я,
Колыбельной меня успокой...

Если сердце штыками пронизано
От предательств в неравном бою,
Если мир переполнился кризами,
Твоей песней в строю устою...

Пой же, пой, душа моя рваная,
Вопреки и назлобу ветрам.
И зарёю слепяще – багряною
Возведи на руинах мой храм!

«Я-не поэт... я-пилигрим...»

Я-не поэт... я-пилигрим...
Я-дух вселенской звёздной дрожи...
Закатным блеском Серафим,
Мне выжигает стих на коже.

Нейронный взрыв... реальность прочь...
Мозг поглощает сингулярность.
Норой «кротовой» манит ночь,
Сменив привычную полярность.

Посланник света с нимбом тьмы...
Я внемлю голосу Борея...
Дарю я Ноту свои сны,
В обмен на ямбы и хореи...

Я – не поэт... я – пилигрим...
Апологет древнейших истин!
Мой слог фестралами храним,
Толпе он чужд и ненавистен...

«Твоей Алисе грустно в Зазеркалье...»

Твоей Алисе грустно в Зазеркалье,
И кот Чеширский ей уже не мил...
Она не ищет истин за вуалью,
И слушать Шляпника, увы, нет больше сил...

Твоей Алисе тесно в этом мире
Волшебств и философской глубины...
В нем, как принцесса в стареньком трактире,
Она не к месту... нет ничьей вины...

Сюжет закручен в узел эшафотный,
А хочется вдохнуть течение глав,
Где Шляпник стал бы снова ей угодный,
И кот Чеширский в «глупостях» был прав...

Твоя Алиса хочет новой сказки...
Без кривизны заманчивых зеркал,
Такой, где у героя вместо маски
Звериный пусть, но искренний оскал...

Где снова будет даже то возможным,
Чего никак нигде не может быть...
Твоя Алиса, верно, безнадежна...

А твой удел – такой ее любить...

Мир, в котором тесно Алисе, в котором рвётся и поёт душа. Вселенная без размера и вне времени. Уголок современного честного, невероятно-талантливого поэта-бунтаря. Каждая строка – выстрел. Браво автору!

Рубрика «Графский особняк»

Ведущий: Андрей Ноябрь

«В «Графском особняке» – осень! А в повести «Последнее ЛИТО» неумолимо идёт снег.

Для тех, кто не читал предыдущих глав: Петя приводит друга Васю в «Последнее ЛИТО». Вася – молодой талантливый поэт. Место, в которое он попадает, одно из старейших в Петербурге: руководит литобъединением некто по имени Карл Иванович. Им движет стремление собрать под своё крыло лучших из лучших. «Последнее ЛИТО» своего рода Ноев ковчег в океане сетевого беспредела и творческого непрофессионализма, росту которого способствовал интернет...

Вкратце, так. Всем новым читателям я советую запастись терпением и следить за дальнейшими выпусками «Луча Света»: приключения Васи не так быстро закончатся, как можно показаться...

...Я люблю осень. Когда горит камин, треск корчащихся поленьев часто смешивается с шумом дождя на улице, и это вводит меня в недоумение. Я перестаю чувствовать границу между внешним и внутренним. Тогда я выхожу на холод и, если не очень темно, начинаю бродить по дорожкам усадьбы, словно ищу кого-то, словно ищу вас, моих читателей...

О! Вы уже здесь? Пардон, задумался, в лирический штопор вошёл.

Приступаем к чтению!

На тонущей подводной лодке

– Дорогие мои! – дедушка с бородой налил себе из графинчика что-то похожее на воду. – Вы уже неоднократно это слышали, а вот вновь прибывшему поэту Василию, наверное, будет интересно. И я повторяю: поэзия дышит на ладан.

– Стоп! Стоп! – вверх взметнулась рука, и мужчина, тоже с лысой головой, привлек Васино внимание.

Мужчина сидел, но то, что он очень высок ростом, было видно за версту.

– С поэзией не все так плохо. Не надо. Поэты пишут о том, что они чувствуют. А чувствовать можно только то, что вокруг тебя и то, что внутри тебя.

– Правильно, каждый пишет о том, о чем хочет, – раздался старческий голос.

– Я продолжаю, – сказал поэт, похожий на дядю Степу. – А вокруг нас – мир меняется. Он, если хотите, убогим стал. Быстрым. Нами уже давно владеет клиповое сознание.

– Примитив, примитив, примитив, – сказал внешне спокойный господин, чью лысину скрывала бейсболка, из под нее – как грива потрепанного жизнью льва – сползали жидкие волосы.

Васе он почему-то напомнил того, в тельняшке, из Союза писателей, с голосом, который может заморозить. Холодный, жесткий, неприятный.

– А вы, – высокий поэт обернулся к говорившему, – сидели бы в своем союзе и учили ребят, как писать стихи.

«Значит, действительно есть в них что-то общее», – подумал Вася. Но член Союза писателей в бейсболке ничуть не смутился.

– Женя, мы все, если ты забыл, на тонущей подводной лодке.

И хмыкнул.

– Вот вылезла тут некая поэтесса, – член из Союза назвал ее фамилию, но Вася не запомнил, – не без нашей помощи, правда.

– Вы ее на конференцию протолкнули, – сказал тот, кого называли Женя.

– Да. Авансом, так сказать. Ну и что? Над стихами не работает, паблик в интернете, тысячи поклонников, которые в поэзии не шарят, и как результат – у девочки выросло самомнение.

– Я прошу только, – вкрадчиво произнес дедушка-ведущий, – без личной неприязни. Она – молода. Это – ее билет. Но как видите, мы ее к нам в ЛИТО не позвали, а это кое о чем говорит.

– Ааа... Так весь ужас в том, что таких бездарных девочек и мальчиков, – член Союза даже чуть привстал и бейсболку поправил, и краешек лысины мелькнул в мягком свете люстры, – очень много. И наглость в том, что они считают себя поэтами.

Тут Петя процедил сквозь зубы: «А сами-то кто. Старпёры.»

Честно говоря, Васе не хотелось все это слушать, и он опять посмотрел на девушку – и что-то магическое сверкнуло на кончиках ее пальцев, и темнота между ними пищала, как черная мышка, зажатая в тисках капкана. Девушке, скорее всего, тоже – это все было неинтересно, и она скучаяще болтала ножкой. И этим привлекала внимание. Даже взгляды многих стариков падали на ее лодыжки, затянутые в черные чулки. Зима же. Холодно с голыми ногами ходить. И Вася представил, какая у нее, наверное, дорогая норковая шуба или что-то в этом роде – ну, богатые любовники покупают своим женщинам дорогие вещи, а эта девушка... Хотя... Вася бросил взгляд на Петю – если она с таким смогла, то для нее не в кошельке дело и не в солидности.

«Она любит секс!» – услышал Вася. Но Петины губы в этот момент не шевелились. Рядом сидела женщина, похожая на старуху. Она спала – и ее грудь массивно поднималась, как айсберг, спрятанный под белым вязаным платком. Сзади – равнодушный поэт, думающий о чем-то своем. Глаза устремлены в пол.

Но кто-то же сказал.

Квась капусту вместе с женой

– Пишите каждый день.

Вася резко обернулся, потому что скользкая рыба шлепнулась на его руку.

Старичок с добрыми глазами, который сидел рядом, улыбался. И клочок волос на голове – словно комочек снега, который еще не успел растаять. Василию почему-то стало отвратительно и стыдно одновременно. Отвратительно – потому что не рыба это была, а холодная влажная рука, с длинными худыми пальцами, похожими на белых засохших, но твердых червяков. А стыдно – потому что испытывать отвращение к старикам Вася не хотел. А у этого – рот до конца не закрылся, и остатки зубов где-то белели в отдалении, как кости мамонтов среди пустоты над деснами – почти везде. Тут же Вася испытал жалость ко всем стареющим людям и к тем, кто уже доживал.

Он заставил себя мило улыбнуться, прошептал дежурное «хорошо». Отвернулся и увидел сугробы белых, и выющихся, и прямых волос, а под ними головы, а эти головы – сидят на шеях поэтов, и некоторые из них трясутся. Пожилых явно больше. Это Васю испугало. Ему хотелось, чтобы Петя рядом с ним тоже переживал по этому поводу, но глаза Щербетова были закрыты, и он чему-то улыбался. Что он там видел во мгле своих зашторенных глаз? Вася вдруг сразу стал

одиноким и сильнее прижался к спинке кресла, и заметил, что его рука по-прежнему холодная... То, что Вася сначала принял за рыбину, продолжало лежать на том месте, куда она шлепнулась: мерзкая старческая рука.

– Зачем это вы...

Вася встал на секунду, как будто ему нужно было срочно поправить брюки, и рука нехотя вернулась в свое логово.

И голос ведущего:

– А сейчас читка стихов по кругу.

– А это тоска, – донесся голос Щебетова, и один его глаз приоткрылся.

Вася в очередной раз подумал: зачем Щебетов сюда приходит? Ладно, Вася, с его замкнутостью, старомодностью и никому не нужной девственностью, а Петя – это певец кабаков, любитель пойла и девочек, ему бы в барах читать, а потом пить и снова читать... И снова пить...

Васе, вырванному из чада и быта вполне себе благополучной семьи, чья квартира всегда чисто вылизана, где только глаженное, свежевystиранное белье, и гости, которые приходили к его родителям, обычные семейные пары – было больно за этих стариков, у которых в жизни, кроме собственных стихов, ничего не было.

«Ценности у них разные, у родителей моих и стариков-поэтов», – подумал Вася.

Мама Васи любила новую красивую одежду, любила каждые три-четыре года менять диван, на котором они с папой

спали. Много денег уходило именно на это. И на Васю. Он же до сих пор не работал. Даже деньги на метро – выдавала мама. И в кармане брюк лежало еще немного денег – мало ли что.

«Господи!», – думал Вася. «Они относятся к этому, как к развлечению, как – сходить в кино или посетить зоопарк.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.